

Х. Патнэм.
Реализм с человеческим
лицом.
H. Putnam.
Realism with a Human Face.
Cambridge (Mass.) and London,
Harvard University Press, 1990,
LXXIV + 347 p.

Рецензируемая книга представляет собой первый том избранных работ американского философа, профессора Гарвардского университета Хилари Патнэма (р. 1926), написанных в последние годы. Включенные в книгу тексты составитель сборника Джеймс Конант относит к области «метафизики», теории ценностей и истории американской философии. Предполагается, что во второй том войдут труды по истории философии, философии науки, по проблемам языка и сознания.

Публикациям первого тома предпосылается вступительная статья Конанта (р. XV-LXXIV), в которой всесторонне характеризуется нынешний этап эволюции философских взглядов Патнэма. Патнэм, бесспорно, один из самых известных сейчас американских философов. В своем развитии он испытал влияние классиков американского прагматизма (Ч.Пирс, У.Джемс) и аналитической философии (Р.Карнап, Г.Рейхенбах, У.Куайн, Н. Гудмен). Этим философам посвящены очерки третьей — заключительной — части книги. Дважды в своей жизни, как вспоминает Патнэм, он был близок марксизму (последний раз — во время войны во Вьетнаме), однако затем отдалился от этого учения. Теперь он убежден в ошибочности любых глобальных планов переустройства общества. «Дело в том, — пишет американский философ, — что в реальном мире мы можем обнаружить лишь «ограниченные реше-

ния», и только ограниченные проблемы предполагают ограниченные решения» (р. 208).

Одна характерная деталь выделяет Патнэма среди американских коллег: его взгляды находились в процессе постоянного изменения, зачастую весьма существенного¹. Впрочем, тот же Конант не считает это недостатком, справедливо полагая, что патнэмовский «оппортунизм» — здоровая черта, демонстрирующая способность к самокоррекции. Это не означает, конечно, что вообще нельзя выделить определенный инвариант подхода американского философа. Как он сам отмечает, «если и есть какая-то черта моего мышления... так это понимание важности *концептуальной относительности* (курсив наш. — А.Г.)» (р. X). Впрочем, релятивизм Патнэма весьма своеобразен и также претерпел определенную эволюцию.

Кстати, название книги не случайно. Оно перекликается со знаменитой фразой А.Дубчека времен «пражской весны». Патнэм в своем творчестве активно отстаивает *реформу* философии (прежде всего — аналитической) в направлении ее большей гуманизации. За всеми «отвлеченными» метафизическими спорами он усматривает различие ценностных установок. Даже такие когнитивные ценности, как истина и объективность знания, должны, по его мысли, обрести свое место в общем гуманистическом контексте. И это позиция философа, перу которого принадлежат глубокие исследования в области математики, математической логики и философских оснований физики, что, казалось бы, должно

¹ В недавней книге «Representation and Reality» (Cambridge, Mass., 1988) он критикует «функционализм», лежащий в основе когнитивной науки. Автором теории функционализма был, как известно, сам Патнэм.

было говорить о его сугубо сциентистской ориентации. Однако тексты рецензируемого тома свидетельствуют об обратном.

Каждый этап эволюции взглядов Патнэма связан с увлечением какими-то крупными мыслителями и соответственно отказом от некоторых своих прежних «героев» (р. XVII). В последние годы такими фигурами для него были И. Кант и Л. Витгенштейн. Свою последнюю позицию (разработанную в конце 70-х гг.) Патнэм квалифицирует как «внутренний реализм» (или «реализм с маленькой буквы»), противопоставляющий позитивизму и «метафизическому (трансцендентальному) Реализму», которому он сам, между прочим, отдал дань в 50-е и 60-е гг.

«Внутренний реализм», согласно Патнэму, служит осмыслением повседневной практики людей по достижению рационального консенсуса. Внешне несовместимые утверждения, на его взгляд, могут оказаться равно истинными, и учет данного момента чрезвычайно важен (р. X). Он солидаризируется с кантовской критикой корреспондентной («классической») теории истины, следует за кенигсбергским мыслителем в сближении этической и метафизической проблематики. Подчеркивая наличие особой потребности в философии, призванной дать людям осмысленную ориентацию в жизни, Патнэм идет против традиционной «нейтралистской» идеологии англо-американской аналитической философии. Здравая философия должна находиться в постоянном поиске, не зависящем от каких-то априорно установленных критериев, но она не должна покорно следовать за чувственным опытом. Если уж давать определение философии, то лучше всего подошло бы следующее: философия — это воспитание взрослых.

Патнэм решительно выступает против самооценки, сложившейся в аналитической философии и всемерно сближающей ее с (естественно) научным знанием. При этом, по его мнению, не учитываются новые явления в самом научном знании — то, что «по мере расширения круга научного знания мир становится все более парадоксальным» (р. 3). На примере знаменитой «копенгагенской интерпретации» квантовомеханических закономерностей Патнэм показывает, что сейчас большинство ученых отбросили установку на описание мира отдельно от самого наблюдателя. Однако среди философов еще сильна вера в метафизическую реальность, разделение субъекта и объекта, полную объективность и безличностный характер познания.

Метафизический реализм дает трансценденталистскую картину мира, составляющими которой являются фиксированный набор «независимых от языка» абстрактных и конкретных объектов, а также фиксированное «отношение» между терминами и их объемами (экстенсиями). Такой реализм следует отвергнуть во имя «реалистического духа» (р. 42). К тому же подход метафизического реализма потеряет всякую привлекательность, если изменить его физикалистскую ориентацию. И это неизбежно произойдет, ибо физикализм совершенно не способен объяснить такие явления, как интенциональность сознания и человеческие ценности. При этом, пишет Патнэм, «когда материалисты попадают в беду, они сразу же забывают про свою метафизическую картину и заимствуют любые необходимые им понятия из *Lebenswelt*², то есть непосредствен-

2 *Lebenswelt* — жизненный мир (*нем.*), основное понятие позднего этапа развития философии Э. Гуссерля.

но из феноменологии» (с. 50). Попытки реалистов-метафизиков разделить Lebenswelt на «подлинную реальность» и ее «проекцию» не удалось. «Физическая реальность» и «сознание» суть аспекты того сложного и многообразного мира, в котором факты обладают диспозициональностью, причинно влияют друг на друга, имеют модальные свойства и т.п.

Одна из главных проблем аналитической философии, согласно Патнэму, заключается в выяснении того, как слова «прикрепляются» к миру. Оказалось, что в разных контекстах приемлемы разные ментальные репрезентации, языки или теории реальности. Не только обыденный язык, но и тесно связанный с ним научный язык предполагает плюралистическую онтологию³. В настоящее время, на взгляд Патнэма, положение аналитической философии парадоксально: в тот момент, когда она стала признаваться доминирующим течением мировой философии, ее стратегический проект «открытия содержимого Вселенной», по существу, потерпел неудачу.

Метафизический реалист, замечает Патнэм, исходит из наличия некой мистической связки между словами, мыслями-знаками и внешними объектами, которая якобы делает возможной истину и семантическую референцию. «В противоположность этому, «внутренний реалист» предпочитает говорить, что референция внутренне присуща «текстам» (или теориям) в том случае, если мы признаем, что имеются лучшие или худшие «тексты». То, что они могут быть «лучше»

или «хуже», само зависит от нашей рефлексии, наших целей и исторической ситуации. И здесь отнюдь не предполагается взгляд на истину с позиции существования Божественного Глаза» (р. 114). Истина столь же чувствительна к контексту, как и мы сами. Она есть идеализация процесса обоснования. А «обоснование» является нормативным понятием, которое связано с долженствованием: в обоснованное мнение мы должны верить.

Конечно, приведенные мысли Патнэма не должны создавать впечатления, будто он полемизирует с какой-то единственной ортодоксальной доктриной аналитической философии. Такой доктрины не было ни в один из периодов развития этого направления западной философской мысли XX века. Речь идет об отказе от определяющей тенденции в аналитической философии, от ее собственных метафизических регулятивов. В этом плане книга американского философа автобиографична, ведь он пишет об установках, которые сам явно или неявно разделял на ранних этапах своего творчества. Прежде всего это была установка на максимально полное и окончательное описание «содержимого Вселенной» с некой абсолютной точки зрения («Божественный Глаз»). Между прочим, в данном отношении нет принципиальной разницы между «метафизическим реалистом» и феноменалистом (к сожалению, это обстоятельство специально не подчеркнуто в книге), ибо «содержимое» может сводиться как к вещам макромира и микрочастицам, так и к чисто перцептуальным элементам. Новый подход подчеркивает не только зависимость «содержимого» от познавательного и лингвистического контекста, но и ценностную нагруженность универсального человеческого опыта, служащего источником научных и философских рационали-

³ «Язык есть совместное предприятие» (р. 281), в котором в равной мере участвуют специалисты в той или иной области знания и неспециалисты, отмечает американский философ.

заций. Одним словом, меняется основное направление аналитического исследования, пассивная регистрация «чистых фактов» и данностей уступает место учету активной роли «человеческого фактора» с его индивидуально-социальными составляющими.

Позитивисты и метафизические реалисты, указывает Патнэм, попали в абсурдное положение, не желая видеть какой-либо объективный смысл в вопросе о том, что же конституирует человеческую рациональность. А ведь это типично ценностный вопрос. По словам Патнэма, «без *ценностей* мы не имели бы самого *мира*» (р. 141). При этом американский философ выделяет такие когнитивные ценности, как когерентность, простота и инструментальная эффективность, без которых, по его мнению, не было бы «фактов», составляющих мир. Но подобные ценности суть элементы нашей общей концепции «человеческого процветания», ее регулятивные принципы.

В то же время у науки, как у литературы или морали, нет законченного и единственного взгляда на мир. Монистический подход, констатирует Патнэм, плох в любой сфере человеческой жизни. Кроме того, сами понятия *рациональности* и *научности* не совпадают: у людей могут быть совершенно рациональные убеждения, которые, однако, не поддаются научной проверке. В основе науки лежит не априорный, непогрешимый разум, а разум, способный ошибаться, впадать в противоречия и в то же время чаще приближающий к истине, нежели так называемый метод проб и ошибок. Философский подход к разуму не только не должен исключать этические факты, но, наоборот, стремиться к их пониманию и ассимиляции.

«Математика и физика, равно как этика, история и политика, де-

монстрируют наши концептуальные выборы; мир сам по себе никогда не навязет нам один-единственный язык независимо от того, что мы предпочтем обсуждать» (р. 171). Сегодня уже не может быть одной «главной науки». Что касается философии, то она аналогична большому роману, чтение которого никогда не позволяет охватить «текст» во всех его измерениях. Лучшие концепции философии подобны замечательным произведениям искусства: они не просто копируют пред-данный мир, но и в известном смысле творят его. И это не просто сравнение, ибо философия не отделена непроходимой стеной от той же художественной литературы. В данной связи Патнэм выражает свое отношение к популярной ныне школе деконструктивизма (Ж.Деррида), отмечая, что ее оригинальный подход к миру как «тексту» все же не избавляет от необходимости решения классической проблемы «язык — мир». Патнэм также скептически оценивает деятельность «экс-аналитика» Р.Рорти, стремящегося укоренить на американской почве новомодные «континентальные» учения.

Рассмотренные выше особенности «внутреннего реализма» объясняют и отношение Патнэма к «национальной» философской традиции прагматизма. В частности, ему особенно импонирует то обстоятельство, что истина рассматривается в прагматизме в ее человеческом измерении. Так, «когда Джемс пишет об истине, то он описывает сам процесс, благодаря которому мы называем вещи истинными. Когда же он пишет о «реальности», то описывает процесс, благодаря которому мы начинаем называть вещи реальными (р. 247). В свете подобного подхода, а также признания того, что сам мир отчасти конституируется репрезентирующим его сознанием, следует пере-

оценить многие положения и популярной, и «технической» философии. «В конце концов философия — гуманитарная, а не естественная наука. Но признание данного обстоятельства ничего не запрещает — ни символической логики, ни уравнений, ни аргументов, ни эссе. В качестве философов мы наследуем некоторое поле, а не авторитет, и этого вполне достаточно. В конце концов это то поле, которое так восхищает многих людей» (р. 118-119).

Несмотря на отчетливо выраженное Патнэмом стремление дистанцироваться от некоторых стандартных подходов аналитической философии, в целом сборник его последних работ можно рассматривать как яркое проявление новых тенденций в рамках самой аналитической философии, представляющей, по оценке автора, один из наиболее распространенных на сегодняшний день на Западе *стилей* философской аргументации.

А. Ф. Грязнов